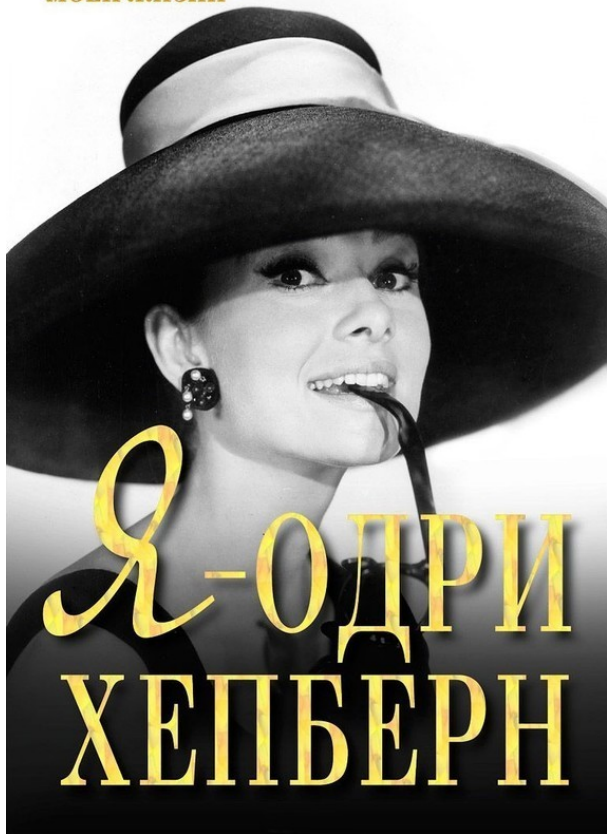

ИСТОРИЯ
МОЕЙ ЖИЗНИ

А-ОДРИ
ХЕПБЕРН

Екатерина Александровна Мишаненкова

Я – Одри Хепберн

Серия «История моей жизни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7413369

Я – Одри Хепберн / Составитель Е. Мишаненкова.: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085877-4

Аннотация

Над ней не властно время. Мир меняется, мода приходит и уходит, а Одри Хепберн по-прежнему остается недостижимым идеалом красоты, элегантности и хорошего вкуса. Но многие ли знают, что таилось под прекрасной внешней оболочкой? Кто она? Юная балерина, сражающаяся с нацистами, самая высокооплачиваемая звезда Голливуда, икона стиля в платьях от Живанши, посол ЮНИСЕФ, спасающий голодающих детей. Какое из этих лиц настоящее? Какой Одри Хепберн была на самом деле?

Содержание

Одри Кэтлин Растон, впоследствии Хепберн, родилась в Брюсселе 4 мая 1929 года, в семье голландской баронессы и ирландского авантюриста.	5
Для обоих родителей Одри Хепберн это был не первый брак.	7
Первые годы Одри Хепберн прошли в атмосфере постоянных скандалов.	9
В мае 1935 года отец Одри ушел из семьи.	11
В 1939 году мать записала Одри в балетный класс.	13
В мае 1940 года Голландию заняли германские войска. Одри оказалась в оккупации.	15
После начала оккупации Элла велела дочери забыть имя Одри. Теперь ее звали Эддой.	17
В годы оккупации Одри давала частные концерты, чтобы собрать деньги для Соппротивления.	19
Участие Одри в делах подполья не ограничивалось сбором денег.	21
От голодной смерти Одри спас расстрел ее дяди.	23
Одри Хепберн вспоминала, что свобода пришла к ней «с запахом английского бензина и	25

английских сигарет».

В 1946 году Одри растолстела до шестидесяти
восьми килограммов.

27

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Я – Одри Хепберн

Составитель Е.

Мишаненкова

**Одри Кэтлин Растон, впоследствии
Хепберн, родилась в Брюсселе
4 мая 1929 года, в семье
голландской баронессы и
ирландского авантюриста.**

Мать Одри, Элла ван Хеестра, происходила из старинного баронского рода, ведущего свою родословную с XVI века. Как и все аристократические семьи, ван Хеестры находились в родстве с дворянскими родами чуть ли не всей Европы, так что в Элле смешалась кровь голландцев, французов, венгров и евреев. Впоследствии обширные родственные связи очень помогли в жизни и ей, и ее дочери Одри.

Их семья не была особо богатой, несмотря на то, что отец Эллы, барон Арнольд ван Хеестра, был известным юристом и поочередно занимал достаточно высокие должности: чиновник в министерстве юстиции, судья, мэр, губернатор юж-

но-американской колонии Суринам (Голландская Гвиана). Однако у Арнольда ван Хеестра было много детей, каждого из которых пришлось обеспечить, поэтому все они стали людьми состоятельными, но отнюдь не богатыми.

Словно в противовес Элле, отец Одри, Джозеф Виктор Энтони Хепберн-Растон был человеком «из ниоткуда». До сих пор неизвестно толком, кто он, где родился и чем занимался. Он совершенно неожиданно возник в жизни Эллы ван Хеестра, а через несколько лет навсегда пропал из виду.

К моменту рождения их единственной дочери Одри Джозеф носил фамилию Растон, но позже сменил ее на Хепберн-Растон, чтобы подчеркнуть свое родство со знатным шотландским родом Хепбернов.

Для обоих родителей Одри Хепберн это был не первый брак.

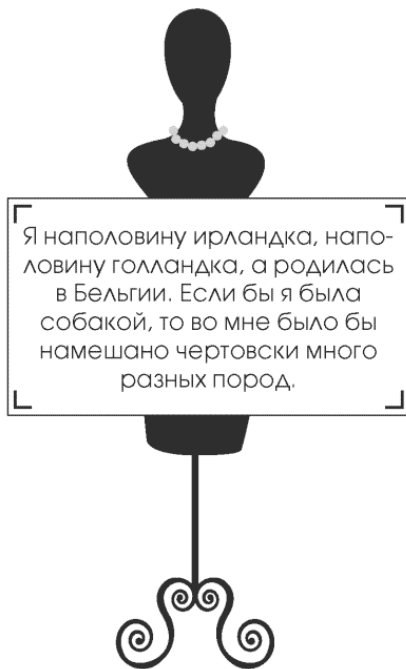
Элла ван Хеестра в юности подумывала о карьере оперной певицы, но родители сочли это неподходящим занятием для дочери барона и поспешили отправить ее в путешествие. В Батавии (сейчас – Джакарта) она познакомилась с голландским аристократом ван Уффордом и вскоре вышла за него замуж.

Их брак просуществовал недолго – с 1920 по 1925 год, после чего они по неизвестным причинам развелись. Элла осталась одна с двумя сыновьями, но она и не думала унывать – благодаря ее привлекательности, приличному состоянию и баронскому титулу она легко могла найти себе нового подходящего мужа.

Однако она вдруг выбрала совершенно неподходящего Джозефа Растона, яркого красавца, нравившегося дамам, но совершенно не привыкшего работать. Он быстро развелся со своей предыдущей женой, и они с Эллой поженились.

Надо сказать, она довольно скоро поняла, что Джозеф не стремится работать, а интересуют его только светская жизнь и политика – он был ярким антикоммунистом. Но она стремилась сохранить брак и через связи своего отца нашла для мужа хорошее место в британской страховой компании в Бель-

гии. Так они покинули Батавию и отправились в Брюссель, где у них и родилась дочь Одри. Зарегистрировали ее, кстати, в британском вице-консульстве, поскольку ее отец имел британское гражданство.

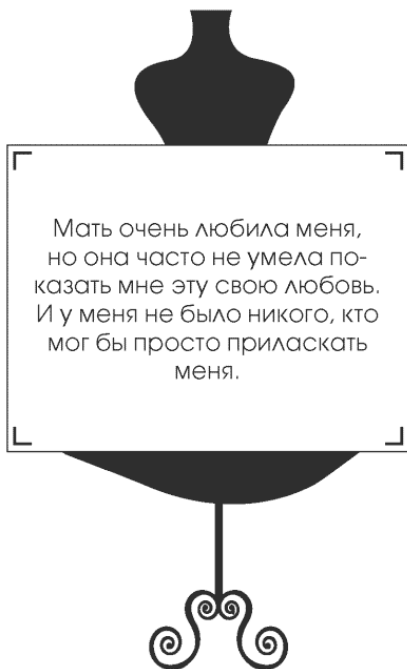
Первые годы Одри Хепберн прошли в атмосфере постоянных скандалов.

Ни Джозеф, ни Элла не могли похвастаться мягкостью и терпимостью, к тому же они оба обладали бурным темпераментом. Поэтому их ссоры всегда проходили очень шумно, и позже Одри вспоминала, что при первых звуках близящегося скандала она тут же пряталась под обеденный стол, где и переживала очередную «грозу». Возможно, именно эти болезненные детские впечатления и стали причиной того, что, повзрослев, она сама никогда ни на кого не повышала голос.

Но в целом ее детство было совершенно обычным, не хуже, чем у других детей. Она часто бывала в поместье у бабушки с дедушкой, играла со сводными братьями и слугами, да и родители, когда не ссорились, занимались воспитанием детей, причем на удивление успешно.

Одри, как это часто бывает, больше любила красивого яркого отца, который не обращал на нее особого внимания, чем строгую мать, прививавшую ей дисциплину и трудолюбие. Повзрослев, она с грустью вспоминала, что ей очень не хватало материнской теплоты. Элла делала для детей все, что могла, но ласку они от нее видели не часто, а ведь это было именно то, в чем Одри особенно нуждалась. Она настолько

была переполнена нереализованной нежностью, что тискала всех животных и маленьких детей, которые ей встречались, и даже пыталась взять себе младенцев, оставленных в колясках.

В мае 1935 года отец Одри ушел из семьи.

Для нее это стало страшным ударом. «Я была совершенно сломлена, – вспоминала она позже. – Я проплакала несколько дней подряд, развод родителей был первым ударом, который я пережила в детстве... Я боготворила своего отца и очень скучала по нему с того самого дня, как он ушел. Расставание с отцом в возрасте каких-нибудь шести лет ужасно. Если бы я могла время от времени встречаться с ним, я бы чувствовала, что он любит меня. Но в той ситуации мне оставалось лишь постоянно завидовать другим, у которых были отцы, и я всегда возвращалась домой в слезах, потому что у них был папа, а у меня его не было».

Как и первый развод Эллы ван Хеестра, ее разрыв с Джозефом тоже окутан тайной. Почему они расстались, никто так и не узнал, поэтому строилось немало предположений. Биографы писали, что Джозеф начал спиваться, что он растратил большую часть состояния жены, ну и наконец, искали причину в его политических взглядах.

Дело в том, что Джозеф Растон открыто сочувствовал нацистам. И первое время Элла его в этом поддерживала, существует даже подписанная ее именем статья о «зове фашизма». Но она довольно скоро разочаровалась в идеях нацио-

нал-социализма.

Как бы то ни было, они с Джозефом развелись и больше не встречались.

Я была довольно печальным
ребенком, тихим и скрыт-
ным. Больше всего я любила
играть в одиночестве. Мне
хотелось, чтобы меня
кто-нибудь понимал.

В 1939 году мать записала Одри в балетный класс.

Танцами она увлекалась давно – еще в раннем детстве стоило зазвучать музыке и Одри принималась танцевать. Поэтому в балетный класс она пошла с радостью, занималась там легко и с удовольствием, чего нельзя было сказать об ее учебе в школе. «Мне нравились девочки и учителя, но сам процесс обучения в классе не нравился никогда, – вспоминала она. – Я была очень активной и не могла часами сидеть за партой. Мне нравилась история, мифология и астрономия, но я по-настоящему ненавидела все, что было связано с арифметикой. Школа казалась мне скучной, и я была рада, когда все это наконец закончилось».

Танец стал для застенчивой Одри средством самовыражения и даже в какой-то степени образом жизни. Она не переставала заниматься балетом даже во время немецкой оккупации – пока у Эллы были деньги, чтобы оплачивать уроки, к ним приходила учительница; когда денег не стало, Одри сама начала давать уроки младшим девочкам.

Занятия балетом сформировали знаменитую фигуру Одри Хепберн – тонкую, стройную, гибкую и в то же время аристократически прямую. Ее грация, ее великолепная осанка – все это тоже результат многолетних занятий балетом.

Одри видела себя в будущем знаменитой балериной, и понадобилось много лет и много разочарований, чтобы она отказалась от этой мечты.

Я хотела танцевать сольные партии. Я страшно хотела исполнять эти роли потому, что они дали бы мне возможность выразить себя. Но у меня не было такой возможности, когда я стояла в ряду из двенадцати других девочек и должна была синхронизировать свои движения с их движениями. А я не желала ни под кого подстраиваться. Я хотела сама добиться своей славы.

В мае 1940 года Голландию заняли германские войска. Одри оказалась в оккупации.

А ведь летом 1939 года они с матерью отдыхали в Англии у родственников и с началом войны могли остаться там. Но Элла была уверена, что нейтральной Голландии ничего не грозит, и вернулась на родину, где поселилась в городе Арнеме. Это было ее большой ошибкой, да и не только ее – никому из семьи ван Хеестра не пришло в голову уехать из страны.

Они довольно быстро заплатились за свое легкомыслие – вскоре после оккупации их счета были арестованы, а ценности конфискованы. Никогда не знавшие материальных проблем, ван Хеестры оказались на грани нищеты. Но на этом их несчастья не закончились: вскоре один из братьев Одри был схвачен и отправлен в лагерь за связь с Сопротивлением, другой оказался в плену, и о нем до конца войны ничего не было известно, а дядя и два кузена попали в облаву и были расстреляны.

Одри вспоминала, что жила в то время в постоянном иррациональном страхе: «Я не боялась, не попаду ли я, как многие молодые девушки и женщины, в дома, предназначенные для «развлечения» германских офицеров и других муж-

чин. И я не знала, не заберут ли меня на день или на неделю на уборку или на полевую кухню. Я знала лишь, что мне двенадцать лет и мне страшно».

Второе страшное воспоминание детства после исчезновения отца – это мама, которая входит ко мне в спальню однажды утром, отдергивает шторы на окнах и говорит: «Вставай, началась война».

После начала оккупации Элла велела дочери забыть имя Одри. Теперь ее звали Эддой.

В школу ее устроили под именем Эдды ван Хеестра, подделав документы. Кроме того, ей было запрещено говорить по-английски. «Меня никогда не звали Эдда ван Хеестра, – рассказывала впоследствии Одри. – Это имя было только для школы. Мама считала, что во время немецкой оккупации разумнее иметь голландское, а не английское имя».

Это не было простой причудой – у Эллы были серьезные основания бояться за дочь, ведь Одри еще при рождении была записана британской подданной. Если бы это выплыло наружу, она имела бы все шансы оказаться в лагере, несмотря на свой юный возраст.

Однако у страха и репрессий был и обратный эффект – после всех несчастий, обрушившихся на их семью, даже осторожная Элла, еще несколько лет назад сочувствовавшая нацистам, стала помогать Сопротивлению.

По иронии судьбы, как раз в мае 1940 года, когда Германия оккупировала Голландию, отец Одри, британец Джозеф Хепберн-Растон, был арестован в Англии за «связь с представителями вражеского государства». Для этого были серьезные основания – Джордж занимал пост директора кон-

тролируемого нацистами агентства новостей, да и своих профашистских взглядов он никогда не скрывал.

Вот так родители Одри фактически оказались по разные стороны баррикад...

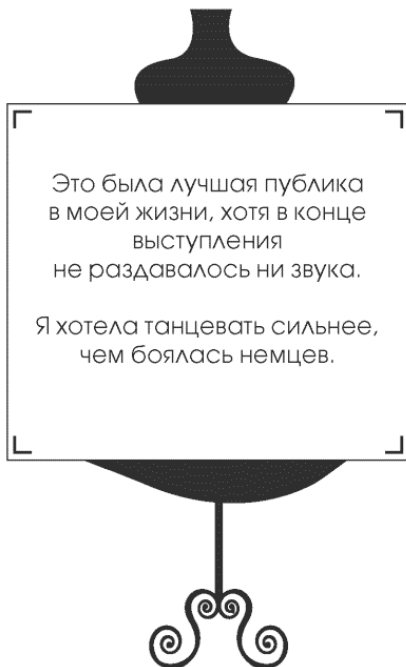
В годы оккупации Одри давала частные концерты, чтобы собрать деньги для Сопротивления.

Продолжать заниматься балетом было все сложнее – не было денег уже не только на учителей, но и на специальную обувь. Элле пришлось сшить для дочери туфли из обрезков фетра. «Туфли не давали той поддержки, которую обеспечивают настоящие балетные туфли, – рассказывала Одри. – Но для моих молодых пальчиков они были в самый раз».

В этой самодельной обуви она и выступала перед публикой. «Я сама придумывала себе танцы. У меня была подруга, которая играла на фортепиано, а мама шила мне костюмы. Все это было чистым любительством, но в то время у людей совсем не было развлечений. Они с радостью пользовались возможностью послушать музыку, – вспоминала потом Одри, как всегда стесняясь и принижая собственные заслуги. – Концерты проходили в частных домах, окна и двери плотно закрывали. Никто снаружи не догадывался, что происходит внутри. После концерта мы собирали деньги и передавали их голландскому подполью».

Это было рискованное занятие, за такое и она, и участвовавшие в этом другие девочки, могли жестоко поплатиться. Публика тоже рисковала, собираясь на эти концерты, –

подобные многолюдные сборища были запрещены. Поэтому представления проходили в тишине, зрители даже не аплодировали, чтобы не привлечь внимание немецкого патруля. Впрочем, юные артистки и так знали, что их ценят, – ведь чтобы посмотреть на них, зрители рисковали жизнью.

Это была лучшая публика
в моей жизни, хотя в конце
выступления
не раздавалось ни звука.

Я хотела танцевать сильнее,
чем боялась немцев.

Участие Одри в делах подполья не ограничивалось сбором денег.

Она помогала распространять антифашистские листовки и копии нелегальных передач «Би-Би-Си» и подпольных голландских радиостанций. Поскольку детей меньше подозревали, они выступали в качестве связных – Одри и другим юным артисткам обычно передавали записки во время концертов, они прятали их в туфли, а потом где-нибудь в автобусе или в парке передавали по назначению.

Это занятие было куда опаснее тайных концертов, но когда спустя много лет у Одри спрашивали, как она решалась на такой риск, она только удивлялась: «Для голландских детей было совершенно естественно рисковать, чтобы спасти подпольщиков».

Это была не игра, ей на самом деле приходилось смотреть в лицо смерти. Один раз она едва не погибла по чистой случайности – попала в облаву и только чудом сумела сбежать. В другой раз ее едва не схватили в Арнемском лесу, куда она ходила, чтобы передать инструкции английскому парашютисту. Она все выполнила, но на обратном пути ее остановил немецкий патруль и спросил, что она тут делает. Требовалось хорошее самообладание, чтобы не запаниковать, но Одри после трех лет оккупации уже привыкла к железной

самодисциплине, поэтому изобразила, что не понимает по-немецки, и подарила солдатам цветы, которые собирала в лесу. Те улыбнулись и пропустили эту милую безобидную девочку, смотревшую на них такими искренними невинными глазами...

От голодной смерти Одри спас расстрел ее дяди.

В 1944 году после неудачного наступления англичан немцы почти разрушили Арнем и отобрали у жителей всю провизию. «Мы несколько дней шли, не имея никаких продуктов, – рассказывала Одри, – а потом оказались в доме, где не было ни света, ни тепла... Очень долго нам было нечего есть, кроме луковиц тюльпанов. Беженцы шли сплошным потоком, люди приходили к нашим дверям, прося пищи и крова. Человеческие страдания были невыносимы... Мы приютили сорок человек, но пищи у нас не было, и им пришлось уйти».

Она вспоминала, что весила в то время сорок пять килограммов при росте в 1 метр 69 см. Она страдала от малокровия, ноги у нее распухли, а вдобавок ко всему она еще и заболела желтухой.

Безжалостная статистика говорит, что не меньше трех тысяч беженцев из Арнема умерли от голода. В декабре 1944 года такая же участь грозила и Одри. «Утром 24 декабря сестра моей матери сказала, что в доме не осталось ни крошки, – рассказывала она. – Я слышала, что чувство голода притупляется во сне. Тогда я решила проспать Рождество, но для этого сначала нужно было подняться в мою комнату. Я попыталась, но мне не удалось – я была слишком слаба».

Спасли их консервы, принесенные человеком из Сопротивления. Позже они узнали, что такие посылки получили семьи казненных немцами заложников. По злой иронии судьбы Одри и все остальные остались живы благодаря ее дяде, расстрелянному после нападения подпольщиков на немецкий отряд.

Одри Хепберн вспоминала, что свобода пришла к ней «с запахом английского бензина и английских сигарет».

4 мая 1945 года она увидела входящих в город английских солдат и, несмотря на то, что была еле живой от голода и болезни, выбежала на улицу. «Я вдохнула запах их бензина, словно это были драгоценные духи», – рассказывала она. Солдаты угостили ее сигаретой и шоколадкой, и с тех пор она на всю жизнь сохранила страсть к курению и шоколаду.

Сигареты вообще в то время сыграли в жизни Одри особую роль. В разоренной Голландии они были универсальной валютой – их можно было обменять на что угодно или продать на черном рынке за большие деньги. Поэтому, когда Элла ван Хеестра в отчаянии написала своему старому другу, англичанину Майклу Берну, что ее дочь больна, а денег на лекарства нет, он прислал ей сигареты. Она продала их и на вырученные деньги купила пенициллин для Одри. Кстати, сам Берн тоже был многим ей обязан – когда он был в немецком концлагере, Элла присылала ему продукты через Красный Крест. Теперь он расплатился тем, что помог спасти жизнь Одри.

К счастью, уже в июне в Голландию начала поступать гуманитарная помощь, и призрак голода отступил. Вскоре вернулись ее братья, Элла нашла работу – жизнь постепенно налаживалась.

В 1946 году Одри растолстела до шестидесяти восьми килограммов.

В этом не было ничего удивительного – после голода, болезней и постоянных стрессов она, как и многие другие люди, дорвавшись до еды, просто не могла остановиться. Она вспоминала, например, что однажды съела целую банку сгущенки, а потом заболела от одного из блюд гуманитарной помощи, потому что насыпала слишком много сахара в овсянку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.